

М.И. Воейков

д.э.н., проф., Институт экономики РАН, Москва

М.И. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ, МЕТОДОЛОГИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы методологии политической экономии и концепция этического идеала Туган-Барановского, на которой он основывал свой проект лучшего будущего. Обсуждаются проблемы концентрации производства, совместимости трудовой теории стоимости и теории предельной полезности, феномены вульгаризации современной экономической теории, а также возможности нормативной функции социальной науки. Показывается роль Туган-Барановского в развитии отечественной экономической мысли и особенно в развитии политической экономии. Доказывается, что многие разработки Туган-Барановского в том или ином виде часто воспроизводились в политэкономических работах еще советского периода. Тем более они могут быть востребованы сегодня, когда отечественная экономическая теория оказалась почти в той же ситуации, что и во времена Туган-Барановского, то есть в начале становления капитализма и буржуазного общества. Делаются выводы, что многие идеи и положения Туган-Барановского сохранили свою актуальность и сегодня. Это касается, в частности, проблем совмещения причинно-следственного и функционального анализа, чему Туган-Барановский посвятил много страниц. Это также касается совмещения либеральной экономической концепции и детерминистского подхода, применимости математических методов в экономических исследованиях, актуальных проблем и противоречий современного капитализма. Доказывается, что конструирование лучшего будущего общества должно основываться на научной разработке, учитывающей объективные закономерности экономического развития и этический идеал будущего.

Ключевые слова: Туган-Барановский, этический идеал, социальная наука, социализм, кооперация, политическая экономия.

Классификация JEL: B100, B140, B240, B310.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-00005.

Введение

Писать о М.И. Туган-Барановском сложно. И не потому, что эта тема в отечественной научной литературе изъезжена. Даже наоборот. Не так уж много в России написано о Туган-Барановском. Если из библиографии работ Туган-Барановского, помещенной в книге Г.Н. Сорвиной, исключить предисловия, переиздания и просто упоминания имени Тугана, а оставить только работы, посвященные целиком Туган-Барановскому, то на русском языке в период после 1919 г. по 2005 г. наберется чуть больше 20 названий [Сорвина, 2005]. Такое ничтожное количество публикаций просто несопоставимо с масштабом и значением Туган-Барановского для отечественной социальной мысли. В советское время официальное отношение к нему было очень настороженное: слишком легальный марксист, идеалист и кантианец, и не любил большевиков. В постсоветское время отношение к нему такое же прохладное, но уже по обратной причине. Туган-Барановский для нового официоза слишком марксист, социалист и не любит капитализм.

Для российской экономической мысли Туган-Барановский составляет целую эпоху. Как писал его ученик Н.Д. Кондратьев, Михаил Иванович «выдающийся ученый, блестящий писатель, своеобразный и гуманнейший человек, яркий представитель высших достижений современной духовной культуры, человек, который своей жизнью и работой провел заметную борозду в общественной мысли» [Кондратьев, 1923. С. 7]. Современный исследователь творчества Туган-Барановского Н.А. Макашева подтверждает эту оценку: «Значение этого ученого для русской и мировой науки общепризнано» [Макашева, 2000. С. 389]. Правда, не сказано – какое именно значение.

Кто же на самом деле М.И. Туган-Барановский? Его очень трудно разнести по каким-то стандартным шаблонам, уложить в одну теоретическую концепцию. Для российской экономической мысли Туган-Барановский – целая вселенная теорий, проблем, мыслей и действий. Он внес громадный вклад не только в теоретические проблемы политической экономии (теорию стоимости, циклов и кризисов, капитала, денег и т.д.). Для нас он классик русской экономической истории, теории кооперации и многого другого. В этом другом выделяется его теория социализма как этического императива, с годами и десятилетиями получающая все большее подтверждение. Мало кого можно поставить рядом с Туган-Барановским по широте охвата проблем экономической науки и глубине разработки самых актуальных вопросов. Поэтому и трудно писать о Туган-Барановском: не знаешь с какой стороны подойти и за что ухватиться.

Научная конференция «Политическая экономия в широком контексте», проведенная в Институте экономики в декабре 2015 г. в честь 150-летнего юбилея М.И. Туган-Барановского, интенсифицировала интерес к нему и породила необходимость новых интерпретаций. Все великие социальные мыслители и ученые продолжают оставаться великими и после своих юбилеев. Величие их мысли, слова и дела зиждется на том, что они всегда современны, в их сочинениях можно найти много интересного и полезного для дня сегодняшнего, они и ныне нас многому могут научить. Вот, например, М.И. Туган-Барановский написал такие слова: «Идеал либерализма уже давно потерял свою действительную силу и ни в ком энтузиазма не вызывает; уже давно никто не верит, что политическая и гражданская свобода, как бы широка она ни была, могла, сама по себе, привести к удачному разрешению социальных вопросов нашего времени и общему благополучию» [Туган-Барановский, 1996. С. 56]. Это писано в 1910 г., а, кажется, что эти слова написаны сегодня утром, так они хорошо и емко отражают нашу постсоветскую действительность после 25 лет трансформаций.

Политическая экономия

Конечно, Туган-Барановский прежде всего и в первую очередь политэконом. Более того, можно утверждать, что именно с него начинается российская школа политической экономии. Он первый создал оригинальные политико-экономические произведения, которые были не просто компиляциями знаменитых западных экономистов, но органически отражали экономические и культурные потребности развития России на переломе эпох.

Основные положения и выводы политэкономических работ Туган-Барановского сохранили свою ценность до сего дня. Вот, к примеру, какое он дает определение политической экономии: «Изучая отношения хозяйства, политическая экономия вторгается в сферу хозяйственных интересов, являющихся, при господствующих условиях общественной жизни, наиболее мощными и доминирующими интересами современности. Но при наличности глубокого и неустраняемого антагонизма хозяйственных интересов, характерного для существующего строя хозяйства, выводы политической экономии не могут не вступать в столкновение с хозяйственными интересами тех или иных групп населения» [Туган-Барановский, 1915. С. 1–2]. Таким образом, политическая экономия изучает то, что связано с определенными экономическими

интересами определенных групп, слоев и классов людей. Теории классов Туган-Барановский посвятил немало глубоких аналитических страниц во многих своих работах.

И в сегодняшней России социальная проблема, то есть проблема социального неравенства людей, проблема распределения социального продукта остается; противоречия между трудом и капиталом, если и не принимают взаимоуничтожающих форм, все же остаются. Причем эти проблемы остаются как основные проблемы общественной жизни. Остаются, стало быть, и функции политической экономии. На эту функцию политической экономии еще в начале XX в. указал С.Н. Булгаков: «Социальный вопрос – вот главная и даже единственная проблема, определяющая все содержание политической экономии, ее нравственный центр» [Булгаков, 1999. С. 276]. И этот вопрос был в центре всех научных исканий Туган-Барановского.

Вот еще одно важное положение М.И. Туган-Барановского, которое по достоинству можно оценить только сегодня: «Есть полное основание признавать судьбу политической экономии, как своеобразной науки о причинно-функциональных соотношениях хозяйственных явлений, тесно связанной с современным народным хозяйством. Вместе с ним она возникла и развилась и вместе с ним должна сойти со сцены. В социалистическом строе для этой науки места не будет, хотя именно в этом строе практические знания, относящиеся к области экономической политики, и все необходимые для этого вспомогательные научные дисциплины – например, статистика – должны получить чрезвычайное развитие. Политическая же экономия частью превратится в теорию экономической политики, а частью войдет в состав более общей науки об обществе – социологии» [Туган-Барановский, 1915. С. 20]. Поразительно, как Туган-Барановский угадал судьбу политической экономии и предсказал то, что сегодня происходит с нею в западных странах.

Для западного, в основном американизированного, читателя такие ученые И. Валлерстайн, Дж. Гэлбрейт, Р. Дарендорф в основном социологи. Для нас они политэкономы, ибо исследуют именно политэкономические проблемы современного общества. В российской политэкономической традиции заложена органическая связь между анализом сугубо экономических процессов и их социальных последствий. Для нас анализ только функциональных связей в экономике недостаточен, так как он еще не говорит о социальных изменениях в обществе.

Что происходит с политической экономией в сегодняшней России – это особая статья. Еще в начале 1920-х гг. у нас отменили преподавание политической экономии, ибо намечался переход к социализму, где согласно Туган-Барановскому, «для этой науки места не будет». В общем-то, это была общепринятая марксистская позиция, и Туган-Барановский тут не был оригинален. Просто он умел более четко и умно излагать свои мысли. Действительно многие руководящие деятели тех лет искренне верили в скорое пришествие социализма. Однако в начале 1930-х гг. политическую экономию восстановили как научную и учебную дисциплину. Видимо, с социализмом что-то не сложилось, хотя социалистическая фразеология осталась и даже расширилась. В наше время в начале 1990-х гг. политическую экономию опять отменили, несмотря на почти официальное признание необходимости перехода к капитализму. Можно понять первых большевиков, они руководствовались теорией, в том числе и Туган-Барановского, но как понимать нынешние российские власти в их неприятии политической экономии?

«Геркулесовы столбы нелепости»

Так Туган-Барановский назвал всякого рода нелепые построения разных экономистов. В пример он приводит некоего Ричарда Прайса, экономиста XVIII в., который утверждал, что «стоит положить на продолжительный срок ничтожный капитал для

возрастания по сложным процентам, и капитал достигнет чудовищных размеров» [Туган-Барановский, 1915. С. 75]. Ныне эта традиция экономических нелепостей разрослась неимоверно. Возьмем вопрос о капитале.

Туган-Барановский в традициях классической политической экономии пишет: «Понятие капитала принадлежит к числу тех многочисленных понятий политической экономии, которые употребляются в нескольких различных смыслах. В одном смысле под капиталом понимают некоторую логическую, в другом – историческую категорию хозяйства. Капиталом в первом смысле называют созданные трудом продукты, служащие для дальнейшего производства... Как историческая категория хозяйства, капитал характеризует собой лишь определенные, исторически преходящие системы хозяйства... Капиталом же (в смысле исторической категории хозяйства) продукт становится тогда, когда он приобретает способность как бы самостоятельно создавать новую ценность. Иными словами, капиталом в этом смысле является продукт, ценность которого в силу известных общественных отношений приобретает способность к самовозрастанию» [Туган-Барановский, 1915. С. 74–75]. Сегодня слово капитал приставляют к множеству вещей, к экономике прямого отношения совсем не имеющих (человеческий капитал, культурный капитал, интеллектуальный капитал, душевный капитал и т.п.).

В современных западных изданиях мы можем прочесть очень аморфные определения. Например: «Капитал – это запас богатства на каждый данный момент времени... Для обычного человека в понятие “капитал” входят его денежные активы, ценные бумаги, дом и, возможно, многие товары длительного пользования (автомобиль, телевизор, видеокамера и др.) – то, что иногда называют потребительским капиталом (consumer's capital). Для бизнесмена капитал – это не только его реальные активы (фабрика, станки, земля и запасы сырья и готовой продукции), но и все денежные резервы на банковском счету» [Харвей, 2003. С. 349]. Так получается, что если у человека есть телевизор и видеокамера, значит, у него есть капитал и он естественным образом становится капиталистом. Иначе, чем верхом нелепости, это назвать нельзя.

Или читаем в другом учебнике, капитал – это «ресурсы, созданные в результате производственной деятельности и используемые для производства товаров и услуг; товары, которые непосредственно не удовлетворяют потребностей человека: инвестиционные товары, средства производства» [Макконнелл, Брю, 2003. С. 11]. «Капитал – это произведенные ресурсы», – пишет, например, Пол Хейне в книге «Экономический образ мышления» [Хейне, 1993. С. 360]. Но тогда и бродяга с палкой для сбивания орехов имеет капитал и является капиталистом. Что бы сказал на все это Туган-Барановский?

Таким образом, сегодня ситуация усложнилась. Мощь инструментария современной экономической науки развилась настолько, что готова сжевать все подряд, все стороны человеческой деятельности, не исключая даже физиологии. Современная экономическая теория (мейнстрим) все подряд превращает в товар: брак, семью, здоровье, культуру, образование, счастье, доверие, солидарность и т.д. и т.п. Наверно, полагая, что тем самым наука проникает в глубинный смысл этих явлений. Верней, она об этом даже и не задумывается, ограничиваясь переворачиванием и рассматриванием поверхностных форм.

Современный фетишизм товарной формы, отрывая ее от экономического содержания, переносится и вовсе на бессодержательные формы. Действительно, если «экономикс» ограничивается анализом внешних функциональных зависимостей товарного мира, то появляется желание перенести этот анализ зависимостей и на явления нетоварного мира. Если для современной экономической теории суть экономического явления не представляется важной, то, естественно, богатый и мощно разработанный инструментарий экономической науки соблазнительно приложить куда угодно. Тем самым товарный фетишизм распространяется и на нетоварный мир. Это сравнительно новое явление, где фетишизируются, превращаются в знаковые явления вещи и процессы, не предназначенные своей

природой для обожествления и поклонения. Где часы покупаются не для показа времени, а для показа статуса владельца. Так, появилась «экономическая теория счастья», где трудно уловимые интимные человеческие чувства превращаются в бухгалтерский подсчет издержек и доходов.

Все это хорошо видно на примере так называемого «экономического империализма». Кратко говоря, под «экономическим империализмом» можно понимать распространение экономического принципа, экономизма, экономической рациональности на процессы, явления и предметы, которые никак не относятся к экономике, распространение основных понятий современной экономической теории (редкость, издержки, предпочтения и др.) на любые формы человеческой жизни, а ее главные принципы (оптимизации и равновесия) на все социальные явления.

Например, нобелевский лауреат по экономике (1992 г.) Г. Беккер пишет: «Исходным пунктом моего анализа является предположение, что при решении вопросов, заключать ли брак, иметь ли детей, развестись или нет, мужчины и женщины пытаются максимизировать полезность, сравнивая выгоды и издержки» [Беккер, 2004. С. 697]. Конечно, при заключении или расторжении брака люди сравнивают «полезности», но не в голове, а в сердце. В данном вопросе полностью отсутствует равнодушный подсчет экономических затрат и результатов. Тут господствуют вдохновение и эмоции, а не холодный рассудок. В противном случае любое человеческое шевеление пальцем или поворот носа можно рассматривать как тщательно рассчитанное экономическое мероприятие, а все науки, касающиеся человеческой деятельности и даже физиологии, как разделы «единой экономической науки». Очевидно, что такой подход нобелевского лауреата является, говоря словами Туган-Барановского, «геркулесовым столбом нелепости» или проще – полнейшим абсурдом.

Естественно, что и образование Г. Беккер не обошел своим вниманием. Последнее он рассматривает как обычное коммерческое мероприятие. «Родителям, – пишет Г. Беккер, – выгоднее финансировать образование своих детей, так как это принесет больший доход, чем проценты по сбережениям. Они могут косвенным образом обеспечить свою старость, инвестируя средства в детей, а затем, в старости, сократив наследство» [Беккер, 2004. С. 697]. Получается, дети – как счет в банке. Первоначально можно вложить побольше, а потом сэкономить, «сократив наследство». Остается неясным, куда девать сэкономленное наследство, ведь на том свете, вроде, деньги не нужны?

Остроумно по этому поводу заметил Ноам Хомский: «В наше время, чтобы слова звучали серьезно, необходимо в каждой фразе употреблять слово “капитал”, – хотя именно это как раз и является несерьезным. Вот почему я говорю о “человеческом капитале”. Это является частью нашей больной идеологии» [Хомский, 2007. С. 249]. Действительно, ныне слово “капитал” приставляют к чему угодно и как угодно. И получается: человеческий капитал, социальный капитал, культурный капитал, интеллектуальный капитал, душевный капитал и т.д. и т.п. Конечно, использовать это слово (“капитал”) как прилагательное, как художественный образ никому не возбраняется. Например, в широкой литературе используют такие словосочетания, как кладбище паровозов, кладбище автомобилей, кладбище идей и т.д. Но каждый просвещенный читатель хорошо понимает, что есть одно нормальное кладбище в точном значении этого слова, а все остальное не более, чем красоты литературного стиля. Научное использование таких понятий недопустимо. Так и капитал. Применять его как научную категорию, как научный термин со строгим смыслом в самых разнообразных сочетаниях будет означать размазывание, затирание научного значения этого понятия. Так ведут себя дилетанты, но их трудно понять. Искажая или размывая научные категории, научно объяснить что-либо будет уже невозможно. Это не развитие и углубление науки, а, по сути, ее ликвидация.

Вообще говоря, наука тогда добивается успеха, когда для новых явлений и процессов вырабатывает новые понятия и термины. Распространять же старые понятия и термины,

прилично отражающие уже устоявшиеся и хорошо изученные явления, на новые области подобно тому, что разбавлять старое доброе вино водой. Так, если в ожидании двух гостей, вы запаслись бутылкой хорошего французского вина, а неожиданно к вам пришло четыре гостя, то будет очень опрометчивым добавить в бутылку еще столько же воды. Конечно, напитка будет больше, на каждого гостя придется установленная вами ранее норма жидкости, и дилетанты, видимо, ничего не заметят. Но качество продукта резко снизится. Более того, хорошее вино как вино будет уничтожено. Так же и с научными понятиями и терминами. Наука должна не растягивать уже хорошо работающие понятия на необозримые новые сферы, а наоборот, детализировать, уточнять, дробить старые понятия вслед за большей детализацией научно изучаемого процесса. Если классическая экономическая теория не справляется с новыми явлениями, то надо разрабатывать новую теорию, а не разжижать старую и называть ее «неоклассикой».

Итак, в чем же главная причина кризиса экономической теории? На мой взгляд, причина состоит в том, что экономика ведущих западных стран довольно заметно уходит от чисто рыночного регулирования. Рынок перестает играть доминирующую роль в этих обществах. Большие сферы жизни цивилизованных стран Запада выводятся из-под рыночного воздействия (образование, здравоохранение, наука, культура, окружающая среда, правопорядок). Рынок сужается. А основное направление экономической теории (мейнстрим) продолжает оставаться рыночным, продолжает описывать рациональное поведение человека на рынке. Инструментарий экономической науки становится все более мощным и изощренным. Более того, как было показано, этот экономический инструментарий начинают использовать в сферах, никакого отношения к экономике не имеющих. То есть продолжается анализ внешних, поверхностных форм не только экономической жизни, но и других социальных явлений. Тот же Г. Беккер считает, что экономику не следует понимать как привязанную к определенному предмету изучения (в частности, деньгам или богатству), а как метод, применимый ко многим аспектам человеческого поведения [Becker, 1976. P. 3–14].

Таким образом, внешние формы принимаются за суть явлений. Анализ форм и их функциональных взаимосвязей предпринимается ради самой формы, даже забывается, что экономические явления непременно должны иметь и содержание. Фетишизм товарной формы получает полное господство. Это все и есть современная вульгаризация экономической теории, которую пора назвать агрессивной вульгаризацией. Последняя не просто уходит от объяснений глубинных связей в мире экономических явлений, но довольно изобретательно увертывается от этого дела. Главное же в том, что она агрессивно заставляет верить, что все вокруг человека и сам человек – это обычные товары на обычном товарном или фондовом рынке. Видимо, следующий шаг «экономикса» будет состоять в разработке равновесной математической модели предельной полезности совести, этики, патриотизма. Действительно, любопытно рассчитать – когда будет выгодно «продать родину», а когда придержать этот товар на складе? Чем не тема для очередного лауреата нобелевской премии.

Интересно было бы знать, что на все это сказал бы Туган-Барановский. Но, увы!

Отношение к марксизму

В советское время считалось, Туган-Барановский был легальный марксист, т.е. как бы ненастоящий марксист. Эта позиция в ряде случаев сохраняется и ныне. Так, в одном современном издании можно прочитать, что Туган-Барановский «с каждой новой работой все более отдалялся от Маркса... Он активно искал свой путь и, надо полагать, нашел его. На этом пути было очень мало соприкосновений с марксизмом» [Семенов, 2007. С. 330–337, 336]. Это совершенно советское, т.е. устарелое, представление о мировоззрении Тугана,

хотя для такого вывода есть, конечно, некоторые основания. Сам Туган-Барановский писал в письме А.А. Кауфману (1902 г.) «В скором времени в “Мире Божьем” появятся мои статьи о Марксе, которые будут знаменовать мой окончательный разрыв с марксизмом. Вы были совершенно правы, уже давно утверждая, что я вовсе не марксист. Мне приходится отказываться от того, что я писал раньше, ибо признание развития в России капиталистической промышленности еще вовсе не марксизм» [Неизвестный М.И. Туган-Барановский, 2008. С. 71]. Но при этом и добавлял: «Несколько марксистских лет не будут забыты в истории русской общественной мысли. А ... с уходом марксистов литература страшно обесцветилась» [Там же, с. 73]. При этом надо учитывать, что в Предисловии к первому изданию книги «Теоретические основы марксизма» (1905 г.) Туган-Барановский писал: «Моя критика не направлена против Маркса, как представителя определенных социальных идеалов; наоборот, высказываясь против данного автором «Капитала» обоснования этих идеалов, я хотел бы лишь содействовать их лучшему и более прочному обоснованию» [Туган-Барановский, 2003. С. V]. Так что, на мой взгляд, Туган-Барановский “с каждой новой работой” не отдалялся от марксизма, а, наоборот, все больше к нему приближался. Другой вопрос – к какому именно марксизму Туган-Барановский приближался? К механистической интерпретации К. Каутского и В.И. Ленина, которая была широко распространена в начале XX в., или, скажем так, к критическому марксизму, который стал набирать популярность в середине XX в.

Итак, определяя отношение Туган-Барановского к марксизму, надо бы разобраться с последним. Ибо марксизм как сложное учение состоит из ряда положений, некоторые из которых являются основными, так сказать, конституирующими марксизм, и другого ряда положений, которыми в общем случае можно пренебречь. Значит, надо выделить главные составляющие марксизма, которые и определяют его суть, без которых марксизм не может быть марксизмом. Разные исследователи и комментаторы берут различные положения и высказывания Маркса в качестве главных. И это характерно для крупнейших исследователей и пропагандистов марксизма. Например, В. И. Ленин писал в статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса» (1913 г.): «Главное в учении Маркса, это – выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества» [Ленин, 1960–1966. Т. 23. С. 1]. По сути дела, Ленин главное в марксизме полагал в учении о классовой борьбе. Сам же М. И. Туган-Барановский указывал иное: «Центральной идеей марксизма, как теории современного общественного развития, следует признать учение о концентрации средств производства» [Туган-Барановский, 1996. С. 244]. И надо сказать, что это умозаключение Туган-Барановского сегодня получает эмпирическое подтверждение в росте монополизации производства в самых индустриально развитых странах.

Но есть другие положения марксизма или, точнее, некоторые высказывания его основоположников, которые не подтверждаются экономической практикой. Возьмем, например, такое положение марксизма, как абсолютное обнищание пролетариата, которое уже к концу XIX в. стало очевидно устаревшим. Так вот, М. И. Туган-Барановский еще в 1902 г. убедительно показал, что это положение марксизма, несмотря на изошренные попытки К. Каутского его защитить, находится “в самом резком противоречии с фактами”. И тут же Туган-Барановский пояснил, что социальные воззрения Маркса сложились в 40-е годы XIX в. – в период понижения заработной платы, хронической безработицы, огромного роста бедности и нищеты. Формулируя свое положение об абсолютном обнищании пролетариата, пишет Туган-Барановский, «Маркс стоял на почве современных ему исторических фактов и высказывал взгляд, общий всем серьезным экономистам того времени. Рикардо и Мальтус смотрели на положение и будущность рабочих классов не менее мрачно» [Туган-Барановский, 1996. С. 242]. Но из этих фактов ни Туган-Барановский, ни любой другой серьезный исследователь не делал выводов о неверности или легковесности марксизма в целом. Я бы рискнул утверждать, Туган-Барановский в своих работах, особенно поздних,

создал теоретическую конструкцию, на десятилетия опередившую появление неомарксизма (К. Корш, Г. Лукач) и франкфуртской философской школы. Это относится к поиску социалистического идеала будущего общества. Но сначала рассмотрим воззрения Туган-Барановского на капитализм и его судьбу.

Пределы капитализма

Этот вопрос во времена Туган-Барановского был весьма актуальным и был связан с теорией рынков. Известна дискуссия народников и марксистов о возможностях товарного производства и рынков. Народники считали, что в России внутренний спрос ограничен, и капитализм здесь не имеет перспективы. Марксисты, наоборот, полагали, что капиталистическое производство само для себя создает рынок. Туган даже считал, что «постоянное сокращение общественного потребления при постоянном расширении общественного производства не в силах вызвать хотя бы малейшего расстройтва в процессе реализации продуктов капиталистического производства» [Туган-Барановский, 1997. С. 263]. В данном случае Туган очевидно неправ. Ибо производство без потребления существовать долго не может. Увлечшись критикой народников и правильно доказывая, что производство само по себе вызывает производственное потребление, Туган допустил ряд, скажем так, неудачных формулировок. Очевидно, что «постоянное расширение общественного производства» просто невозможно при «постоянном сокращении общественного потребления». Это нонсенс.

Одним из критиков позиции Туган-Барановского выступила Роза Люксембург, которая писала: «Взгляд, что производство средств потребления не зависит от потребления, является, конечно, вульгарно-экономическим миражом Туган-Барановского» [Люксембург, 1931. С. 222]. И далее весьма остроумное замечание: «Легальные русские марксисты несомненно одержали победу над своими противниками – народниками; но они одержали слишком большую победу. Все трое – Струве, Булгаков и Туган-Барановский – в пылу борьбы доказали больше, чем требовалось доказать. Речь шла о том, способен ли капитализм к развитию вообще и в России в частности, а названные марксисты настолько основательно доказывали эту возможность, что дали даже теоретическое доказательство возможности вечного существования капитализма» [Люксембург, 1931. С. 225].

Сама Роза Люксембург писала, что для существования капитализма нужны внешние рынки. Капитализм должен накапливать капитал и где-то реализовывать прибавочную стоимость. Накопленный капитал нужно инвестировать, и не куда-либо, а именно в некапиталистические зоны экономики (колонии, экономически отсталые страны, некапитализированный аграрный сектор и т.п.). Инвестиции внутри капиталистического хозяйства, в пределах капиталистического класса, лишь перегоняют, как мячик, прибавочную стоимость от одного капиталиста к другому. Капитал в этих условиях перенакапливается в замкнутом пространстве и как сжатый пар без выхода может (или должен) разорвать капиталистическую оболочку. Дело не только в том, чтобы извлечь прибавочную стоимость, но и в том, чтобы ее реализовать. Собственно, это один и тот же процесс. Поэтому для Розы Люксембург «существование некапиталистических покупателей прибавочной стоимости является прямым условием существования капитала и его накопления» [Люксембург, 1931. С. 256]. Таким образом, «решение проблемы в духе марксова учения заключается в диалектическом противоречии: капиталистическое накопление для своего движения нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде; оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду» [Люксембург, 1931. С. 257]. Из этого положения можно сделать несколько выводов, большинство из которых делали критики Розы Люксембург, но не она сама.

Главное в капитализме не только эксплуатация рабочего класса (хотя сама Роза Люксембург такого вывода не делала и, видимо, не могла делать), но и эксплуатация колоний и других отсталых территорий и обществ. Капитализм жив и процветает в силу существования неэквивалентного обмена. Если же существует эквивалентный обмен, то капиталу негде реализовать прибавочную стоимость. Замкнутое капиталистическое общество существовать не может, ибо обмен внутри капиталистического производства эквивалентен (на основе равновесной цены), существует экономическое равновесие, а накапливаемую прибавочную стоимость реализовать негде. Происходит перенакопление капитала. Невозможность существования замкнутого капиталистического общества (или превращение всех стран в развитые капиталистические страны) ведет к автоматическому краху капитализма. Капитализм сам себе роет могилу. Рабочий класс и социал-демократическая партия могут помочь вырыть могилу, но главное – это неспособность капитализма развиваться при капитализме. В противном случае капитализм может существовать вечно. Теория Розы Люксембург ставит под сомнение роль и значение прибавочной стоимости, роль рабочего движения и рабочей партии, солидаризируется (в некоторых пунктах) с неоклассическим направлением современной экономической теории и в целом с «обратной стороны» является ревизионистской.

Вернемся, однако, к Туган-Барановскому. В ряде работ, о чем уже говорилось, он показывал, что «центральной идеей марксизма» является «учение о концентрации средств производства». И далее Туган поясняет: «Процесс концентрации средств производства одновременно создает почву для будущего социалистического производства, ибо благодаря ему производство становится все более крупным, все более общественным, каждое отдельное предприятие захватывает все большую долю общественного производства и, в то же время, этот процесс усиливает общественные элементы, заинтересованные в социалистическом перевороте, а также численно ослабляет элементы, враждебные такому перевороту» [Чернов, 1997. С. 244]. Таким образом, сделав скрупулёзную характеристику теории концентрации производства, Туган добавляет, что это учение является «самой сильной идеей марксизма» [Туган-Барановский, 1996. С. 245]. По всей видимости, Туган согласен с этой идеей, полностью разделяет этот взгляд, который, по существу, означает, что капитализм содержит в себе самое глубинное противоречие, ставящее пределы вечному существованию капитализма. И, тем не менее, Туган-Барановский делал вывод, что «капиталистическое хозяйство не включает в себе моментов, которые могли бы сделать его дальнейшее существование экономически невозможным» [Туган-Барановский, 2003. С. 215]. Однако это противоречит его же концепции концентрации производства.

Следующим элементом трансформации капитализма является усиление процесса концентрации производства, и, стало быть, углубление и расширение монополизации современной экономики. Сегодня монополия не только стала фактом, но превратилась в фундаментальную основу трансформации современного капитализма. Об этом писали западные экономисты еще лет 50 тому назад. Так Дж. Гэлбрейт в середине 1960–1970-х гг. писал, что роль и значение крупных корпораций в современной рыночной экономике существенно возрастает: «С конца прошлого столетия гигантская корпорация становится все более характерной чертой делового мира. Ее влияние признавалось везде, кроме экономических учебников» [Гэлбрейт, 1976. С. 40]. Доля же мелкого и среднего бизнеса заметно сокращается. Создается так называемая планирующая система из крупных корпораций, которые трансформируют саму рыночную экономику. А сама рыночная система, по мысли Дж. Гэлбрейта, «это мир мелких фирм». За последние 30-40 лет этот процесс концентрации производства заметно усилился. Современные исследования показывают, что за период с 1970 г. по 2014 г. доля активов крупнейших корпораций обрабатывающей промышленности США увеличилась на 40%. Так на долю 847 крупнейших корпораций США, которые составляют лишь 0,33% от общей численности предприятий, в 1970 г. приходилось менее

50% всех активов отрасли, то в 2014 г. они уже концентрировали у себя 88,7% всех активов [Комолов, 2015. С. 158]. Идет интенсивный процесс монополизации производства и ослабления конкуренции, и соответственно вытеснения рыночной экономики.

Социализм как теоретическая проблема

Социалистическая мысль появилась задолго до того, как возникли какие-либо предпосылки социализма. Если оставить в стороне утопические сочинения (хотя Туган-Барановский эти сочинения ставил очень высоко), а взять период, начиная с марксистской разработки вопроса, то обнаружим, что имеется довольно обширная научная литература, где серьезно обсуждаются различные проблемы лучшего устройства будущего общества, то есть социализма. Значит, если самого социализма нет, то наука о нем уже существует много десятилетий и насчитывает многие сотни, если не тысячи, серьезных научных сочинений. Я даже знаменитую книгу Л. Мизеса «Социализм» отнес бы к теоретическому ряду научных работ о социализме, ибо в ней обсуждаются, критикуются многие проблемы социализма как научные проблемы. Например, я вполне согласен с выводом Л. Мизеса, что в социалистическом обществе окажется невозможным экономический расчет. Но я бы добавил, что экономический расчет, как он есть в рыночной экономике, там и не нужен. И вполне можно принять следующий вывод Л. Мизеса: «Только полное критическое рассмотрение идей социализма поможет нам понять, что же происходит вокруг» [Мизес, 1994. С. 21]. Вполне здравая мысль. Но такое критическое рассмотрение в свое время начал Туган-Барановский.

И еще о Туган-Барановском и социализме. То, что Туган-Барановский был социалистом – это признают все, в этом вопросе нет разногласий. И в этой связи можно привести следующее наблюдение Ф. Хайека: «Чем выше поднимаемся мы по лестнице интеллекта, чем теснее общаемся с интеллектуалами, тем вероятнее, что мы столкнемся с социалистическими убеждениями. Рационалисты – люди по большей части просвещенные и интеллектуальные, а просвещенные интеллектуалы – по большей части социалисты» [Хайек, 1992. С. 94]. Действительно, Туган-Барановский был одним из ведущих российских интеллектуалов своего времени, и он был безусловным социалистом. Но само понятие социализма сейчас приобрело существенно больше смысла, чем это было в начале XX в. Социализм – это не просто формация или уклад жизни, как нас учили в советской школе, а скорее наука о лучшем устройстве общества. Именно в этом направлении развивалась мысль Туган-Барановского.

Итак, по многим представлениям социализм не приходит в мир каким-либо стихийным образом, сам собой, а сознательно вырабатывается обществом. То есть должна существовать специальная наука, которая исследует, вырабатывает, обсуждает, или назовем по-современному, “проектирует институты” лучшего устройства общества. Неминуемо здесь должен доминировать научный, т.е. “книжный подход”. Ибо результаты науки фиксируются и становятся достоянием общества в письменных текстах, т.е. в книгах. Поэтому “лучшее общество”, чем то, которое есть, вырабатывается теоретическим знанием. Это вытекает, прежде всего, из классического марксизма и из работ почти всех других социалистических мыслителей. Можно взять не только работы М.И. Туган-Барановского, но Н.А. Бердяева, “социальную инженерию” К. Поппера и др. Поэтому в данном случае можно говорить, что социальная наука социализма – это наука о том, что будет, а не о том, что есть. Именно в этом смысле создавал свою теорию “конструктивного социализма” Виктор Чернов.

Однако в советский период у нас доминировало представление, что дать априорную характеристику социализма нельзя, что его конкретные черты возникают только в процессе развития. Советские обществоведы держались известной ленинской формулы, что

нельзя заранее предугадать конкретные формы общественного развития. Но при таком подходе не совсем понятна роль социальной науки, которая призвана не только выяснять и объяснять существующее общество, но и предлагать меры по его улучшению. Ведь нельзя же думать, что то общество, которое есть на сегодня – прекрасно, и ничего улучшать в нем не нужно. Поэтому экономисты советского периода оказывались в некотором двусмысленном положении. С одной стороны, они обязаны были держаться за ленинскую формулу, что нельзя предугадывать конкретные формы будущего, с другой стороны, их обязывали постоянно выработать предложения по улучшению (“дальнейшему совершенствованию”, как тогда говорили) именно конкретных форм советского общества. Основная функция социальной науки, как, собственно, любой науки, улучшать и совершенствовать объект своего изучения или минимизировать его отрицательные следствия для человечества. Если бы естественные науки только изучали мир, в котором живет человечество, то оно так и не вышло бы из состояния варварства. Также и социальная наука призвана улучшать человеческое общество. Иначе – зачем она? Именно такой нормативный подход был свойственен Туган-Барановскому. Он считал, что при создании будущего общества надо исходить из определенного идеала, и с помощью науки и научных средств искать пути достижения этого идеала. Иными словами, в социальной науке кроме позитивистской функции должна быть и нормативная функция.

Это достаточно важный момент, он характеризует сложившуюся методологию отечественной экономической науки, которая полностью сохранилась и до сегодняшнего дня, хотя и не всегда это осознается в достаточной мере. Суть дела состоит в том, что почти все серьезные экономические сочинения еще советского периода были написаны в нормативном плане, т. е. содержали некие предложения по улучшению тех или иных сторон экономической системы. Просто описательные работы, выполненные, как сейчас говорят, в дескриптивном методе, не считались достаточно научными. Ибо описание экономической практики в советский период сводилось по преимуществу к пересказу принимаемых “партией и правительством” решений и проблем их выполнения. Ведь спонтанного экономического развития почти не было; государство пыталось всем планомерно управлять. Таким образом, в случае социализма можно говорить об общественной науке того, что на сегодняшний день еще не имеется.

Политическая экономия социализма в нашей стране выполняла несколько функций. Одной из них была конструктивная функция, когда пытались усовершенствовать различные стороны и формы советского общества. Причем многие наиболее дальновидные или умные ученые полагали, что то общество, которое реально существовало в советский период можно было называть социалистическим только условно, со многими оговорками. И мыслили себе настоящее социалистическое общество где-то в будущем. Конечно, об этом четко и откровенно нельзя было сказать, но намеков в соответствующей литературе было предостаточно. В этом конструктивном направлении политической экономии социализма было много легче развернуться в теоретических построениях, высказывать различные взгляды, разворачивать дискуссии. Почти все основные дискуссии в советской экономической науке как раз охватываются этой функцией. Собственно говоря, эта функция и соответствует основному предназначению политической экономии.

Другая функция политической экономии социализма – это создание общей теории социализма. Такие попытки были у многих исследователей, но результат их чрезвычайно ничтожный. Главная причина состоит опять же в том, что советскую практику многие исследователи принимали за практику социалистического общества и никак не могли ее непротиворечиво увязать с классическим марксизмом или с какой-либо другой общей социалистической теорией. Хорошей иллюстрацией этого положения может служить кооперация и кооперативная теория, которым в свое время немало сил отдал Туган-Барановский.

Кооперативный социализм

Русская интеллигенция, думающая о судьбах России, еще в досоветский период искала в кооперации и кооперативном движении мощный рычаг экономического развития страны. Не будем забывать, что более 80% населения дореволюционной России были крестьяне и мелкие ремесленники. Не избежал этого увлечения и Туган-Барановский. Более того, он стал одним из видных теоретиков российской кооперации. В 1909 г. он становится бессменным редактором кооперативного журнала «Вестник кооперации», активно участвует в кооперативных съездах и т.д. В этой связи рассмотрим принципы кооперативного социализма. Для представителей левой интеллигенции, особенно сторонников эсеровской партии, это была общая или исходная теория. В советский период она получила некоторую легитимацию в работах В.И. Ленина, но все же не совсем вписывалась в советский официоз. Так, крупнейший советский ученый-аграрий В.Г. Венжер почти всю свою жизнь развивал и отстаивал теорию кооперативного социализма. В своей последней книге 1990 г., т.е. времен «перестройки и гласности» он писал: «Полный социализм есть строй кооперативный» [Венжер, 1990. С. 87–88]. Так думали не все, но многие сторонники кооперации, самоуправления, производственной демократии считали именно так или были близки к этой позиции. Но именно так писать в советский период было нельзя. Приходилось маневрировать. В.Г. Венжер был представителем кооперативного социализма, можно даже сказать был теоретическим последователем лидера эсеровской партии Виктора Чернова. Хотя этот сюжет он нигде и никак не раскрывал. Но существо дела от этого не менялось.

В. Чернов во многих своих работах отстаивал принцип социализации деревни через кооперацию, полагая что в деревне социализм может утвердиться только как кооперативный [Чернов, 1997]. Правда, для города Чернов предполагал развитие синдикализма, который в союзе с деревенским кооперативизмом и создаст социалистическое общество. Венжер же принципы кооперации распространял на все общество, на все предприятия. «Самое главное и самое ответственное, – писал он о горбачевской перестройке, – это перевод, постепенный, но неукоснительно последовательный, всей и промышленной и земледельческой деятельности на рельсы кооперативности. ... Конечная цель перестройки – перевод всей экономики страны на рельсы общественного самоуправления, следовательно, на рельсы всеобщей кооперативности» [Венжер, 1990. С. 93, 91]. При таком подходе все общество становилось одним большим кооперативом.

Действительно ли лучшее общество – это общество самоуправленческих кооперативов? При всей привлекательности именно такой схемы, отметим, что пока еще общественная наука четкого ответа дать не может. Есть сторонники кооперативного устройства общества, есть и скептики. Напомним в этой связи слова В.И. Ленина, что «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма» [Ленин, 1960–1966. Т. 45. С. 373]. Приведем еще слова А.В. Чаянова: «В дальнейшем развитии кооперации она будет все в большей и большей мере переводить в русло общественного кооперативного хозяйства различные отрасли крестьянского хозяйства. Эти элементы общественного хозяйства и закладывают в крестьянском хозяйстве основные начала будущей социалистической организации земледелия» [Чаянов, 1925. С. 9]. А вот скептики. Пожалуй, наиболее умный скептицизм высказал еще М.И. Туган-Барановский. Он писал следующее: «Кооперация возникла в непосредственной связи с социалистическим движением, но было бы очень ошибочно смешивать кооперацию с социализмом». И дальше: «Если тело кооператива создано капитализмом, то душа кооператива вдохнута социалистическим идеалом» [Туган-Барановский, 1915. С. 62, 67]. Это достаточно диалектическая позиция, соответствующая реальности.

Ограниченность кооперативной формы стала вполне очевидной только к концу XX в. А многие социалисты значительно раньше искали какие-либо формы общественного

производства, альтернативные частнокапиталистическому производству. И кооперация давала в этом смысле некоторые надежды. Другая и более существенная сторона этого вопроса заключается в том, что для советской практики кооперация была действительно более адекватной формой организации сельскохозяйственного производства. В советской экономической реальности колхозы только по названию были кооперативами.

Сегодня можно констатировать, что обычный марксистский подход, точнее каутскианский, который вполне разделяли В. И. Ленин и другие большевики, что земледелие по мере развития капитализма превращается в фабрику и что здесь экономические и трудовые отношения ничем не будут отличаться от промышленности, не оправдался. До сих пор и, видимо, еще долго земледелие будет представлять особую отрасль производства с особыми хозяйственными и трудовыми отношениями. И единственный путь развития земледелия, а, следовательно, социализации его – это кооперация. Но это еще не означает, что таким путем нынешнее общество преобразуется в социалистическое.

Интересно другое. Сегодня никакого диктата в отношении колхозов уже нет. Но ведь нет и самих колхозов как массового явления. Может быть, колхоз как форма кооперации в сельскохозяйственном производстве вообще довольно искусственная вещь. По сути, об этом писал еще М.И. Туган-Барановский в начале XX в.: «Как бы глубоко ни было влияние кооперации на крестьянское хозяйство, все же это хозяйство оставалось бы крестьянским и отнюдь не стало бы социалистическим, ибо в основе его по-прежнему лежала бы частная собственность крестьянина на средства производства и продукты его труда» [Туган-Барановский, 1989. С. 294–295]. Получается, что рыночная экономика сама по себе не способствует развитию кооперации, по крайней мере, в сельскохозяйственном производстве. По Туган-Барановскому кооперация это еще не путь к лучшему обществу.

Итак, социалистическое общество

Есть многие основания принимать следующие слова Л.Д. Широкограда в качестве канонической характеристики Туган-Барановского. «Туган-Барановский, – пишет Л.Д. Широкоград, – хотя он происходил из дворян и был довольно крупным землевладельцем, владея 3,5 тысячами десятин земли в Черниговской губернии, был сторонником социалистической организации общества... Это был этический социализм, подчеркивавший общечеловеческие ценности и критиковавший капитализм за его антигуманность, за то, что он является источником фетишизма и отчуждения» [Неизвестный М.И. Туган-Барановский, 2008. С. 30]. Емкая и исчерпывающая характеристика.

В 1910 г. Туган-Барановский писал: «Социалистические симпатии русской интеллигенции составляют одну из ее наиболее характерных отличительных черт» [Туган-Барановский, 1996. С. 52]. Действительно, и до сего дня большинство российской интеллигенции имеет склонность к социализму или хотя бы к социальной справедливости и человечности. Эти две последние характеристики и составляли основные элементы социального идеала Туган-Барановского, который он помещал в основу будущего социализма. «Современный социализм, – писал Туган-Барановский, – исходит из мирозерцания, поставившего в центре всего человеческую личность» [Туган-Барановский, 1996. С. 264] И далее: «Необходимо признать идею равноценности человеческой личности основной этической идеей современного социализма» [Туган-Барановский, 1996. С. 273]. Итак: «Частная собственность на средства производства несовместима с правом человека на свободу и равенство. Социализм есть, следовательно, требование естественного права, логически связанное с первым и основным прирожденным правом человека на свободу» [Туган-Барановский, 1996. С. 274]. И эти характеристики этического социализма Туган-Барановского в советской энциклопедии «Политическая экономия» (1980 г.) назывались

«буржуазным и мелкобуржуазным теоретико-нравственным антиподом научного социализма» [Экономическая энциклопедия. Политическая экономия, 1980. Т. 4. С. 582].

Конечно, даже советский социализм, который по сути своей не был подлинным социализмом, более симпатичен нашей интеллигенции, чем нынешнее полуфеодалное или полубуржуазное состояние российского общества. Мы как-то все начинаем широко и громко, но до зрелого конца и даже середины все не добираемся. Но российская интеллигенция и, прежде всего, Туган-Барановский обычно рассматривали социалистический идеал как проект лучшего будущего.

Характерна в этом плане именно конструктивная позиция М.И. Туган-Барановского. В книге «Социализм как положительное учение» (1917 г.) Туган-Барановский прямо так и писал, что «Социалистический строй есть искусственная, придуманная форма человеческого общежития в противоположность естественным, стихийно развившимся формам общества, существующим ныне... Итак, первой характерной чертой социализма является то, что социалистическое общество есть общество, в основу которого положены определенный замысел, определенная правовая идея, в противоположность современному обществу, бессознательному комплексу общественного взаимодействия» [Туган-Барановский, 1996. С. 261].

За эту позицию, что социализм есть придуманная, искусственная форма, Туган-Барановского в советское время много бранили как идеалиста, кантианца. Но ведь эта мысль, идущая в русской интеллектуальной традиции еще от А.И. Герцена, совершенно верная. Социализм есть общество, которое складывается не само собой, как Бог на душу положит, а сознательно, планомерно, на основе научного подхода, т.е. искусственно. И это будет громадный шаг вперед в развитии человечества.

Современное цивилизованное общество уже давно живет в придуманной, искусственной среде. Имеется в виду техническая среда обитания человечества. Транспортные средства, водопровод и канализация, освещение и отопление, приготовление пищи, телекоммуникации и т.д. до бесконечности – все это придуманное, искусственное. Но это не значит, что это плохое. Современный человек вне этой придуманной среды просто не выживет. Эта искусственная среда – колоссальный шаг вперед, это то, что выделяет человека из природного мира, переделывает его из зверя в человека. Но если человечество придумало техническую среду обитания, то почему социальная среда нашей жизни должна складываться стихийно, как придется? Нашему читателю замутили голову всякого рода праволиберальные писатели, которые считают, что спонтанное развитие под воздействием игры рыночных сил и стихий и есть наилучшая форма общественного устройства. Что в обществе складывается само собой, думают эти писатели, есть хорошо и прекрасно и не надо ничего придумывать. Тогда напрашивается следующий вопрос: а зачем, собственно, существует социальная наука, которая бьется над проблемами улучшения существующего общества. Все социальные мыслители свои интеллектуальные усилия тратили и продолжают тратить на усовершенствование общества, чтобы сделать его хоть немного лучше. И сегодня продолжает быть актуальным не только вопрос позитивистской науки “кто виноват?”, но и нормативной науки – “что делать?”. Последний вопрос для нас даже более важен, ибо кто виноват в нынешнем плачевном состоянии российского общества более-менее ясно, а вот что делать дальше – неясно.

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер Г. (2004). Экономический взгляд на жизнь. // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. V. Кн. 1. М.: Мысль.
- Булгаков С.Н. (1999). Задачи политической экономии // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии. Т. 1. От марксизма к идеализму. М.: Наука.
- Венжер В. Г. (1990). Как было, как могло быть, как стало, как должно стать. Вопросы истории нашего строя. М.: Наука.
- Гэлбрейт Дж. (1976). Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс.

- Комолов О.О. (2015). Крупный и малый бизнес: роль и место в современной экономике // Экономическое возрождение России, № 4(46). С. 156–167.
- Кондратьев Н.Д. (1923). Михаил Иванович Туган-Барановский. Петроград: Колос.
- Ленин В.И. (1960–1966). Полн. собр. соч. Т. 1–55. М.: Госполитиздат.
- Люксембург Р. (1931). Накопление капитала. Т. I и II. Изд-е 4-е. М.-Л.: Госиздат.
- Макашева Н.А. (2000). Этико-социальное направление: М.И. Туган-Барановский и С.Н. Булгаков // История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М.
- Макконнелл К.Р., Брю С.Л. (2003). Экономикс. М.
- Мизес Л. (1994). Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy.
- Неизвестный М.И. Туган-Барановский / Отв. ред. Л.Д. Широкоград, А.Л. Дмитриев (2008). СПб.: Нестор-История.
- Семенов А.В. (2007). Туган-Барановский Михаил Иванович. //История экономической мысли России в лицах: Словарь-справочник / Под ред. Н.Н. Думной и О.В. Карамовой. М.: КНОРУС. С. 330–337.
- Сорвина Г.Н. (2005). Михаил Иванович Туган-Барановский. Первый российский экономист с мировым именем: Очерки. М.: Русская панорама.
- Туган-Барановский М.И. (1915). Основы политической экономии. 3-е изд. Петроград.
- Туган-Барановский М.И. (1989). Социальные основы кооперации. М.: Экономика.
- Туган-Барановский М.И. (1996.) К лучшему будущему. Сб. социально-философских произведений. М.: РОССПЭН.
- Туган-Барановский М.И. (1997). Избранное. Периодические промышленные кризисы. М.: Наука, РОССПЭН.
- Туган-Барановский М.И. (2003). Теоретические основы марксизма. М.: УРСС.
- Хайек Ф. (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости.
- Харвей Д. (2003). Современная экономическая теория. М.
- Хейне П. (1993). Экономический образ мышления. М.: Дело.
- Хомский Н. (2007). Классовая война. Интервью с Дэвидом Барзаяном. М.: Праксис.
- Чаянов А. (1925). Краткий курс кооперации. 4-е изд. М..
- Чернов В.М. (1997). Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН.
- Экономическая энциклопедия. Политическая экономия (1980). Т. 4. М.: Советская энциклопедия.
- Becker G. (1976). The Economic Approach to Human Behavior. Chicago: University of Chicago Press.

Воейков Михаил Илларионович

mvok1943@mail.ru

Michael Voeikov

Doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia

mvok1943@mail.ru

**M.I. TUGAN-BARANOVSKY ABOUT POLITICAL ECONOMY,
METHODOLOGY AND SOCIALIST SOCIETY**

Abstract. The article deals with the issues of the methodology of political economy and the concept of the ethical ideal of Tugan-Baranovsky, on which he based his project for a better future. The problems of concentration of production, compatibility of the labor theory of value and the theory of marginal utility, the phenomena of vulgarization of modern economic theory, and the possibilities of the normative function of social science are discussed. The role of Tugan-Baranovsky in the development of domestic economic thought and, especially, in the development of political economy is shown. It is proved that many of the developments of Tugan-Baranovsky in one form or another are often reproduced in the political-economic works of the Soviet period. Moreover, this can be in demand today, when the economic theory found itself in almost the same situation as during Tugan-Baranovsky, that is, at the beginning of the formation of capitalism and bourgeois society. It is concluded that many ideas and provisions of Tugan-Baranovsky have retained their relevance today. This concerns, in particular, the problems of combining cause-effect and functional analysis, to which Tugan-Baranovsky devoted many pages. This also concerns the combination of a liberal economic concept and a deterministic approach, the applicability of mathematical methods in economic research, current problems and contradictions of modern capitalism. It is proved that the design of a better future society should be based on scientific development, taking into account the objective laws of economic development and the ethical ideal of the future.

Keywords: *Tugan-Baranowski, ethical ideal, social science, socialism, cooperation, political economy.*

JEL classification: B100, B140, B240, B310.

REFERENCES

- Becker G. (1976). *The Economic Approach to Human Behavior*. Chicago: University of Chicago Press.
- Becker G. (2004). *Ekonomicheskiy vzglyad na zhizn'* [An Economic View of Life] // *Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov*. T. V. Kn. 1. M.: Mysl.
- Bulgakov S.N. (1999). *Zadachi politicheskoy ekonomii* [The Tasks of Political Economy] // Bulgakov S.N. *Trudy po so-tsiologii i teologii*. T. 1. Ot marksizma k idealizmu. M.: Nauka.
- Chayanov A. (1925). *Kratkiy kurs kooperatsii* [Short course of the cooperation]. 4-ye izd. M..
- Chernov V. M. (1997). *Konstruktivnyy sotsializm* [Constructive socialism]. M.: ROSSPEN.
- Chomsky N. (2007). *Klassovaya voyna. Interv'yu s Devidom Barzamyanom* [Class War. Interview with David Barzamyan]. M.: Praksis.
- Ekonomicheskaya entsiklopediya. Politicheskaya ekonomiya*. [Economic Encyclopedia. Political Economy. Vol. 4]. (1980). T. 4. M.: Sovetskaya entsiklopediya.
- Galbraith J. (1976). *Ekonomicheskiye teorii i tseli obshchestva* [Economic theories and goals of society]. M.: Progress.
- Harvey D. (2003). *Sovremennaya ekonomicheskaya teoriya* [Modern Economic Theory]. M.
- Hayek F. (1992). *Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki sotsializma* [Pernicious arrogance. The mistakes of socialism]. M.: Novosti.
- Heine P. (1993). *Ekonomicheskiy obraz myshleniya* [Economic thinking]. M.: Delo.
- Komolov O.O. (2015). *Krupnyy i malyy biznes: rol' i mesto v sovremennoy ekonomike* [Large and Small Business: Role and Place in the Modern Economy] // *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii*. № 4(46). P. 156–167.
- Kondrat'yev N.D. (1923). *Mikhail Ivanovich Tugan-Baranovskiy* [Mikhail Ivanovich Tugan-Baranovsky]. Petrograd: Kolos.
- Lenin V.I. (1960–1966). *Poln. sobr. soch* [Complete. collected cit]. T. 1–55. M.: Gospolitizdat.
- Luxemburg R. (1931). *Nakopleniye kapitala* [The Accumulation of Capital]. T. I, II. Izd-ye 4-ye. M.-L.: Gosizdat.
- Makasheva N.A. (2000). *Etiko-sotsial'noye napravleniye: M.I. Tugan-Baranovskiy i S.N. Bulgakov* [Ethical and social direction: M.I. Tugan-Baranovsky and S.N. Bulgakov] // *Istoriya ekonomicheskikh ucheniy*. /Pod red. V. Avtonomova, O. Anan'ina, N. Makashevoy. Ucheb. posobiye. M.: INFRA-M.
- McConnell C.R., Bru S.L. (2003). *Ekonomiks* [Economics]. M.
- Mises L. (1994). *Sotsializm. Ekonomicheskiy i sotsiologicheskiy analiz* [Socialism. Economic and sociological analysis]. M.: Catallaxy.
- Neizvestnyy M.I. *Tugan-Baranovskiy* [Unknown M.I. Tugan-Baranovsky] / L.D. Shirokorad, A.L. Dmitriyev (otv. red.) (2008). *Neizvestnyy M.I. Tugan-Baranovskiy* [Unknown M.I. Tugan-Baranovsky]. SPB.: Nestor-Istoriya.
- Semenkov A.V. (2007). *Tugan-Baranovskiy Mikhail Ivanovich* // *Istoriya ekonomicheskoy mysli Rossii v litsakh. Slovar'-spravochnik* [Tugan-Baranovsky Mikhail Ivanovich // The history of economic thought in Russia faces. Dictionary reference]. Pod red. N.N. Dumnoy i O.V. Karamovoy. M.: KNORUS. S. 330–337.
- Sorvina G.N. (2005). *Mikhail Ivanovich Tugan-Baranovskiy. Pervyy rossiyskiy ekonomist s mirovym imenem: Ocherki* [Mikhail Ivanovich Tugan-Baranovsky. The first Russian economist with a world name: Essays]. M.: Russkaya panorama.
- Tugan-Baranovskiy M.I.* (1915). *Osnovy politicheskoy ekonomii* [Foundations of the Political Economy]. 3-ye izd. Petrograd.
- Tugan-Baranovskiy M.I.* (1989). *Sotsial'nyye osnovy kooperatsii* [Social foundations of cooperation]. M.: Ekonomika.
- Tugan-Baranovskiy M.I.* (1996). *K luchshemu budushchemu. Sb. sotsial'no-filosofskikh proizvedeniy* [To a better future. Set of the social and philosophical works]. M.: ROSSPEN.
- Tugan-Baranovskiy M.I.* (1997). *Izbrannoye. Periodicheskiye promyshlennyye krizisy* [Selected. Periodic industrial crises]. M.: Nauka, ROSSPEN.
- Tugan-Baranovskiy M.I.* (2003). *Teoreticheskiye osnovy marksizma* [Theoretical foundations of Marxism]. M.: URSS.
- Venzher V. G. (1990). *Kak bylo, kak moglo byt', kak stalo, kak dolzhno stat'* [How it was, how it could be, how it became, how it should be. Questions of the history of our system]. *Voprosy istorii nashego stroya*. M.: Nauka.